Вл. В. Седов, М.В. Вдовиченко

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАБОТЫ В ГЕОРГИЕВСКОМ СОБОРЕ ЮРЬЕВА МОНАСТЫРЯ И В ПАНТЕЛЕЙМОНОВОМ МОНАСТЫРЕ В 2015 ГОДУ

В 2015 г. Новгородский архитектурно-археологический отряд НАЭ вёл археологические работы на двух объектах: в Георгиевском соборе Юрьева монастыря и на территории Пантелеймонова монастыря*.

Раскопки в Георгиевском соборе Юрьева монастыря

Впервые работы в интерьере Георгиевского собора Юрьева монастыря, заложенного в 1119 г., были проведены в 1930-е гг. под руководством М.К. Каргера [1]. В.Л. Янин опубликовал исследование некрополя Георгиевского собора [2]. Исследования фресковой росписи собора вёл В.Д. Сарабьянов [3]. К.И. Маслов опубликовал статью, посвящённую истории обновления Юрьева монастыря при архимандрите Фотии (1822–1838 гг.) [4].

Работы нашего отряда начались в 2013 г., когда в Георгиевском соборе было раскрыто два небольших участка в интерьере: в южной части средней абсиды храма и в северной части северного рукава креста[5]. Раскоп 2014 г. занимал всю восточную часть собора, которая не была раскопана М.К. Каргером. Раскоп был поделён на участки, с I по XV (XV не исследовался).

Исследования Георгиевского собора были продолжены в 2014 г., в результате чего были сняты поздние полы и их подсыпки, на стенах собора в нижней части открылись фрески XII в. с декоративными композициями, в абсидах и средней части собора на отдельных участках обнаружен первоначальный пол из каменных плит и известково-цемяночная заливка подготовки под этот пол. Кроме того найдены основания двух боковых престолов, сложенных из плинф; у среднего престола, сложенного из кирпича, обнаружен фрагмент древнего основания. В подкупольной части и в северном рукаве креста зафиксирована поднятая на рубеже XVII–XVIII вв. солея. В засыпках полов было обнаружено огромное количество фрагментов первоначальной фресковой росписи первой

* Работы велись на средства гранта РГНФ, проект № 15-01-18080е и при поддержке Новгородской епархии.

[1] Археологические исследования в РСФСР. 1934 –1936 гг. Краткие отчеты и сведения. М.-Л., 1941. С. 24–25; Каргер М.К. Раскопки и реставрационные работы в Георгиевском соборе Юрьева монастыря в Новгороде (1933–1935) //СА. М.-Л., 1946. Вып. VIII. С. 175–224.

[2] Янин В.Л. Некрополь Новгородского Софийского собора. М., 1988. С. 89–118.

[3] Сарабьянов В.Д. Фрески XII в. в основном объёме Георгиевского собора Юрьева монастыря // ПК НО Ежегодник. 1997. М., 1998. С. 232–239; Сарабьянов В.Д. Росписи северо-западной башни Георгиевского собора Юрьева монастыря // Древнерусское искусство. Русь и страны Византийского мира. XII век. СПб., 2002. С. 365–398; Сарабьянов В.Д. Заказчик и стиль в древнерусских росписях XII века // НиНЗ ИА. Вып. 24. Великий Новгород, 2011. С. 45–46; Сарабьянов В.Д. О судьбе древних росписей Георгиевского собора Юрьева монастыря в Великом Новгороде // История собирания, хранения и реставрации памятников древнерусского искусства (Материалы конференции 25–28 мая 2019 года, ГТГ). М., 2012. С. 357–356.

[4] Маслов К. И. К истории обновления Юрьево-Новгородского монастыря архимандритом Фотием // Материальная база сферы культуры. Чтения памяти Л.А. Лелекова. . Вып. 4. М., 1998С. 74–90.

[5] О работах 2013 г. см. публикации: Седов Вл. В., Вдовиченко М.В. Архитектурно-археологические исследования Пантелеймонова и Юрьева монастырей в Великом Новгороде в 2013 году // НиНЗ ИА. Вып. 28. Великий Новгород, 2014. С. 94–115; Седов Вл. В., Кадейшвили Е. А., Вдовиченко М.В. Фрески XII в. на стенах Георгиевского собора Юрьева монастыря под Великим Новгородом, открытые в ходе археологических работ 2013 г. // Реставрация и исследование памятников культуры. Вып. 7. М.-СПб.: Коло, 2014. С. 15–19.

трети XII в., среди которых оказалось много фрагментов с ликами, с изображением одежд, а также с надписями[6].

Раскопки 2015 г. внутри собора велись по участкам: был исследован участок XV, а также участки от XVI до XXII, которые уже были раскопаны М.К. Каргером в 1930-е гг. Кроме того, доисследовались некоторые участки, открытые в 2014 г. Работы велись на участке VI (исследование погребений в проломе пола) и на участках IV, V, IX и XIII.

В средней абсиде собора были доисследованы участки I–V, где сохранялась выкладка пола XVII–XVIII вв. из крупных плит. В подкупольном пространстве на участке XIII сохранилась часть предалтарной солеи того же времени, ступенью приподнятой относительно первоначального пола.

После разборки поздней части среднего престола открылась хорошо обработанная плита древнего престола, положенная на известково-цемяночную подготовку первоначального пола. Это нижняя часть первоначального престола, имевшего форму стола на четырёх ножках; сохранились вырезы для ножек, в которых остались основания каменных ножек престола. Они имеют прямоугольную форму и размеры 90 × 30 см. Общие размеры сохранившейся части плиты 110 × 130 см, но первоначально она была больше, только западный край сохранился в неприкосновенности (здесь проходит полоса «бортика» шириной 10 см). В центре плиты толщиной 7–8 см находится отверстие для закладки мощей, оно имеет прямоугольную форму (25 × 20 см).

На участке VII в южной боковой абсиде собора было предпринято доисследование вытянутого с запада на восток пролома в заливке первоначального пола (235 × 70–80 см). После снятия 25–30 см открылись крышки двух небольших деревянных колод, содержащих погребения 10 и 11.

Погребение 10 располагалось примерно в середине, его колода была обернута в ткань, сохранившуюся в восточной части. Размеры колоды 104 см × 40–45 см, общая форма близка к «ладьевидной» (с расширением к голове). Погребение 11 располагалось к северу от

---

[6] Седов Вл. В., Вдовиченко М.В. Георгиевский собор [часть энциклопедической статьи] // Архитектурное наследие Великого Новгорода и Новгородской области / сост. и науч. редактор М.И. Мильчик. 2-е изд., испр. и допол. СПб., 2014. С. 298; Седов Вл. В. Археологические находки 2014 года в Георгиевском соборе Юрьева монастыря // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2015. 1 (78). С. 175–185; Седов Вл. В. Георгиевский собор Юрьева монастыря в Новгороде Великом // Институт археологии. Новые экспедиции и проекты. М.: ИА РАН, 2015. С. 83–85; Гиппиус А. А., Седов Вл. В. Надпись-граффито 1198 года из Георгиевского собора Юрьева монастыря // Города и веси Средневековой Руси. Археология, история, культура. К 60-летию Н.А. Макарова. Москва – Вологда: Древности Севера, 2015. С. 478–490; Седов Вл. В., Вдовиченко М.В. Раскопки Георгиевского собора Юрьева монастыря в Великом Новгороде в 2014 г. // НиНЗ ИА. Вып. 29. Великий Новгород, 2015. С. 98–122; Гиппиус А. А., Седов Вл. В. Находки в Георгиевском соборе Юрьева монастыря: новые фрески и новые надписи // Труды Отделения историко-филологических наук РАН. 2015. М.: Наука, 2016. С. 190–208; Седов Вл.В., Вдовиченко М.В., Кадейшвили Е.А. Фрески XII в. на стенах Георгиевского собора Юрьева монастыря (по результатам археологических работ 2014 г. // Реставрация и исследование памятников культуры. Вып. 8. М.-СПб.: «Коло», 2016. С. 11–17. В недавнее время опубликованы две статьи, касающиеся только найденных в 2014– 2015 гг. фрагментов фресок: Федоренко Т.К. Предварительные итоги исследования фрагментов росписи Георгиевского собора Юрьева монастыря // Культура. Искусство. Реставрация. Альманах. 2015 (1). Часть 1. Реставрация. СПб., 2015.С. 69–79; Царевская Т.Ю. Новые данные о первоначальной росписи Георгиевского собора Юрьева монастыря в Великом Новгороде // ИХМ. Вып. 13. М., 2016. С. 195–206. Ещё две работы посвящены вопросам выборки и реставрации фрагментов фресок: Анисимова Т.И. Монументальная живопись и археология // НиНЗ ИР. Вып. 6. Материалы VI научно-практической конференции 9 –11 декабря 2014 года. Великий Новгород. СПб., 2015. С. 288–300; Ромашкевич Т.А. Создание мастерской по реставрации монументальной живописи в НГОМЗ (деятельность и перспектива) // НиНЗ ИР. Вып. 6. Материалы VI научно-практической конференции 9–11 декабря 2014 года. Великий Новгород. СПб., 2015. С. 40–57.

погребения 10, его крышка прямоугольной формы сохранилась хуже, на ней имелись следы охры, свидетельствующие о покраске колоды (размеры 60 × 45 см).

В погребении 10, по наблюдениям антрополога И.К. Решетовой, тело располагалось вытянутым на спине, руки были скрещены на груди. Анатомическая последовательность соблюдена, присутствуют суставные сочленения. Кости практически не потревожены. В области груди и стоп фиксируются остатки берестяных лент. Длина тела in situ 77 см. Возраст погребённого – 2–4 года. Погребение безынвентарное, под ним проступали некоторые кости погребения 12.

Погребение 11 сохранилось хуже, в основном в нижней части скелета. По наблюдениям И.К. Решетовой, обнаруженные останки не потревожены, кости сохранили антропологический порядок, тело расположено на спине, руки скрещены. При расчистке заполнения обнаружены многочисленные хитиновые остатки, наибольшая концентрация насекомых – в области черепа. Возраст погребённого – 6–12 месяцев.

Прямо под погребением 10 в той же колоде находилось погребение 12, тоже детское. Погребение это безынвентарное, оно было несколько потревожено в процессе подзахоронения погребения 10, поэтому положение рук и ног нам неизвестно, кости частично сдвинуты в головную часть колоды. По наблюдениям И.К. Решетовой, тело располагалось вытянутым на спине, его размеры in situ составляли примерно 97 см. В заполнении погребения обнаружено большое количество хитиновых фрагментов насекомых, скелетированые фрагменты мышевидных грызунов, остатки лесных орехов (целые и скорлупа). Возраст погребённого определяется в промежутке от 4 до 6 лет. Анатомический порядок костей нарушен, комплектность неполная, но скелет представлен всеми отделами.

Погребение 13 совершено в грунтовой яме, контуры которой читались в заполнении пролома после снятия погребений 10, 11 и 12; размеры тёмного пятна могильной ямы 195 × 60 см. Погребение устроено в деревянной колоде (размер 154 × 40 см), тело было расположено вытянутым на спине, левая рука согнута в локте – находилась на животе, правая рука сильно притянута к плечу. Сохранилась кожаная погребальная обувь. Возраст погребённого подростка мужского пола – 10–12 лет. Сохранность и комплектность костей скелета полная, кости находятся в анатомическом порядке и суставных сочленениях. Размеры тела in situ 137,5 см. После снятия костяка было расчищено дно колоды прямоугольной формы, у которой были вырублены стенки толщиной 5–6 см. К западу от погребения обнаружена свинцовая печать, относящаяся к типу анонимных владычных печатей с изображением Богоматери Оранты на одной стороне и креста со страстями – на другой. Известно около 10 экземпляров подобных анонимных булл новгородских владычных наместников, датировка их неясна, скорее всего, они относятся к первой половине – середине XV в. Ближайшими аналогиями найденной в Георгиевском соборе печати являются уже опубликованные печати № 518-2, 518-7, 518-8, 518-10[7]. Данная печать, найденная рядом с погребениями 10, 11, 12 и 13, даёт основания для их датировки. Рядом с погребениями найдена серебряная монета-новгородка, датируемая 1460–1470-ми гг. (определение П.Г. Гайдукова), что также говорит о поздней дате указанных погребений.

После расчистки погребения 13 был обнаружен уровень «черновой» известково-цемяночной заливки, устроенной во время строительства храма в 1119 г. В крайней западной части пролома обнаружена кладка из плит известняка на известково-цемяночном рас-

[7] Янин В.Л. Актовые печати Древней Руси X–XV вв. Т. II. М., 1970. С. 53–55. Тип 518 на Табл. 17. С. 271. Отметим, что булла 518: 2 (четвертый тип) привешена к данной Онцифора Осипова Соловецкому монастырю, датирующейся 1478–1480 гг.; Янин В. Л., Гайдуков П.Г. Актовые печати Древней Руси X–XV вв. Т. III. М., 1998.С. 79, 184–186. Табл. 173–174, особенно – 518:7 на Табл. 173.

творе, которую можно интерпретировать как верхнюю часть ленточного фундамента, соединяющего лопатку южной стены и юго-восточный подкупольный столб.

В южном отделении алтаря Георгиевского собора Юрьева монастыря были погребены, несомненно, очень высокопоставленные люди – вернее, дети высокопоставленных людей. Первым был похоронен подросток, отрок, затем были погребены ещё три ребенка, один из которых грудной. Перед нами некая гробница или кладбище детей, которые по своему статусу могли быть погребены в алтаре. С другой стороны, сами гробы-колоды, напротив, свидетельствуют об определённой ограниченности средств тех, кто осуществлял погребения. Нам представляется, что в южной абсиде собора были погребены дети служилых князей, обитавших напротив Юрьева монастыря на Городище. Эти служилые князья, происходившие из суздальских Рюриковичей или из литовских Гедиминовичей, в Новгороде жили не очень долго, средства их едва ли были очень велики. Вероятно, поэтому своих умерших от болезней детей (скорее всего – сыновей) князья (или один князь) погребли в деревянных колодах, а не в каменных саркофагах, но в престижном месте, в правой части алтаря.

В восточной половине подкупольного пространства собора была разобрана солея рубежа XVII–XVIII вв.; после снятия её плит и кирпичной кладки ступени, а также удаления песчаной подсыпки, содержавшей фрагменты сбитых со стен фресок, обнажился первоначальный пол из четырёх крупных и очень хорошо отёсанных плит; в средних плитах обнаружены два квадратных в плане отверстия размером 16 × 16 см; они, вероятно, предназначались для крепления стоек балдахина над царскими вратами алтарной преграды.

Сама первоначальная алтарная преграда читается в виде углублённой полосы шириной 15–20 см, идущей по восточной кромке этих плит; углубление от бруса алтарной преграды ниже этой заливки на 10 см. В северной части у столба сохранилось гнездо вертикальной опоры алтарной преграды, устроенное в каменной плите прямоугольной формы (60 × 40 см) с квадратным отверстием (15 × 15 см).

Наиболее значительные по масштабу работы были проведены на расположенном в северной части собора XV участке. Его основная поверхность была занята плитой с выполненной в 1814 г. надписью, повествующей о погребении здесь в 1786 г. св. Феоктиста, а также окружающими эту плиту квадратными плитами и кирпичным полом начала XIX в.

Выяснилось, что гробница была покрыта штукатуркой и раскрашена косыми чёрными и серо-голубыми полосами и отдельными завитками, размещёнными по розовому фону – «под мрамор». Перед гробницей с юга выступала довольно широкая ступень для подхода и поклонения.

На следующем этапе была отодвинута в сторону надгробная плита. Под ней открылась сложенная из кирпича размером 6–6,5 × 12–13 × 26–27 см гробница, пристроенная с юга к стене собора и имеющая три стены толщиной 65 см. Внешние размеры гробницы: длина – 300 см, боковые стенки – 150 см; внутренние размеры: 160 × 90 см. Высота гробницы более 40 см, высота ступени перед ней – 30 см.

После открытия и расчистки слоя вокруг, в котором было обнаружено четыре новых лика и другие фрагменты фресок XII в. (в том числе множество фрагментов с личным письмом и одеждами), было начато исследование погребения святителя Феоктиста в гробнице (погребение 14).

После снятия плиты на дне кирпичной гробницы было видно только песчаное заполнение с небольшими фрагментами строительного мусора. В северо-восточном углу гробницы и в её западной части сохранились участки каменного пола XII в., который был про-

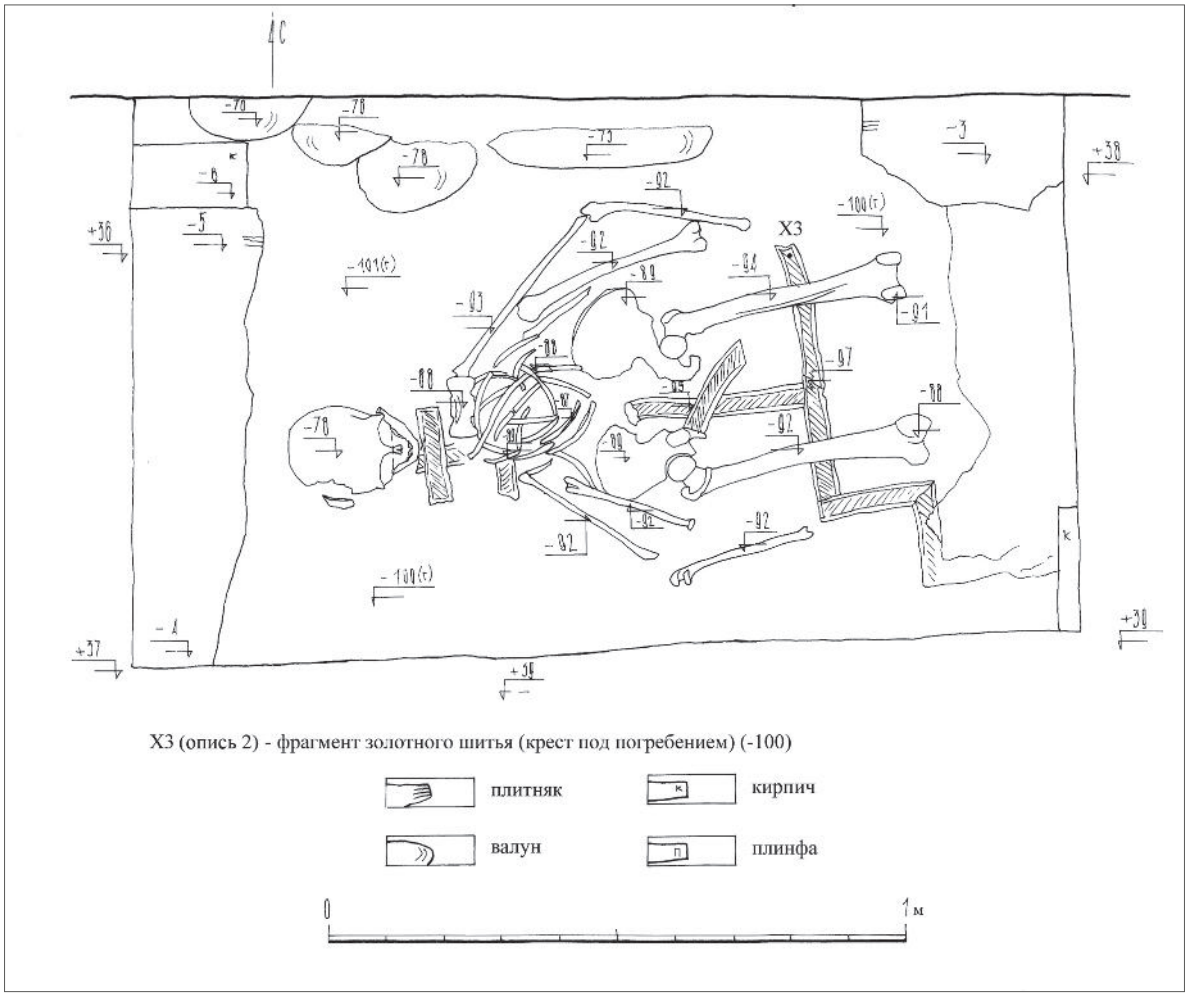

Рис. 1. Георгиевский собор Юрьева монастыря. Участок XV. Гробница погребения 14 (св. Феоктиста). План костяка после снятия покрова. Чертёж 2015 г. Ю.С. Фомичевой

ломан для совершения погребения (перезахоронения) святителя Феоктиста. После снятия песчаного слоя на глубину 10–15 см обнаружилось погребение, прикрытое покровом из золотой парчи. В ногах погребённого был найден железный крест, вероятно от гроба.

По наблюдениям антрополога И.К. Решетовой, положение останков можно охарактеризовать словом «выкладка» *(Рис. 1)*. Череп в сочленении с нижней челюстью располагался у западной стенки могильной ямы. Кости выложены симметрично условной оси погребения. Анатомический порядок прослежен только для костей таза и парных бедренных костей, которые находились в суставных сочленениях, но лежали своей передней поверхностью книзу. Можно также предположить, что на момент первого вскрытия гробницы тело было мумифицировано (возможно, частично). Комплектность скелета неполная, но представлена всеми отделами, за исключением костей нижних конечностей, представленных только до колена.

Скелетные останки принадлежат мужчине зрелого возраста, примерно 50–59 лет. Этот человек вёл очень активный образ жизни; его скелет несёт признаки, свидетельствующие о дистрофических изменениях и значительных физических нагрузках. Кроме того, период роста и развития этого индивида был сопряжён с активной верховой ездой, что

отразилось на строении его скелета в виде ряда признаков «комплекса всадника». На скелете индивида выражены следы физической активности, реконструирующие привычные движения приведения предплечий и напряжения кисти; движения стопы в сагиттальной плоскости и стабилизацию тела при движении (ходьбе и беге), удержания тела в седле при опоре на стремя. Судя по размерам скелета, человек обладал ростом порядка 173–175 см и крепким телосложением.

Под скелетом обнаружена ткань с золотным шитьём, образующим крест на голгофе, это, по всей видимости, деталь, нашитая на ткань, на которой при перезахоронении был выложен скелет.

После снятия костяка и зачистки дна могильной ямы, устроенной в плотном песке между лентами фундамента, были зафиксированы внутренние размеры кирпичной гробницы, имеющей до 10 рядов кирпичей. Отметим также, что для сооружения гробницы святителя Феоктиста в 1786 г. нижнюю часть древнего северного портала пришлось заложить кирпичом, имеющим размеры 6,5–7 × 13–14 × 27–29 см.

На не занятой гробницей площади открылся пол начала XII в. из крупных и хорошо обработанных известняковых плит. В полу XII в. зафиксировано прямоугольное отверстие перед алтарной преградой (для установки прапора?).

В восточной части участка XV и западной части участка IX были расчищены несколько каменных плит первоначального пола, а также участок известково-цемяночной подготовки под этот пол. В северной части ряда плит крайняя северная плита имеет квадратное отверстие для вертикальной стойки алтарной преграды; эта плита аналогична плитам, обнаруженным в средней части храма (с севера) и в южной части (с юга).

На участке XVI были проведены работы по расчистке саркофагов и мест погребений 3 и 4, раскопанных в 1933 г. М.К. Каргером. Обнаружилось, что от погребения 3, связываемого с захоронением княжича Фёдора Ярославича в 1233 г., ничего не сохранилось. На этом месте в северо-восточной части свободного пространства фиксируется песок засыпки фундаментов собора, на который, по сообщению М.К. Каргера, были поставлены оба найденных здесь в 1933 г. саркофага [8]. Южная и западная части площадки, где М.К. Каргер обнаружил цельный каменный саркофаг со «сводчатой» каменной крышкой (погребение 3), были залиты известково-цемяночным раствором, о котором исследователь не упоминает. Эта заливка была сделана, видимо, специально для установки саркофага умершего в Новгороде княжича. Эта гробница исчезла, и о форме её мы можем судить только по неясному изображению на фотографии и по разрезу саркофага из статьи М.К. Каргера.

К северу находится массивный каменный саркофаг из белого известняка, напоминающего белый камень владимиро-суздальских построек; в этом саркофаге находилось погребение 4. В нём, по сообщению М.К. Каргера, был открыт женский костяк, на основании чего погребение было связано с захоронением в 1244 г. в Георгиевском соборе «сторонь сына своего Феодора» княгини Феодосии, супруги князя Ярослава Всеволодовича[9].

Этот массивный саркофаг, имевший, по сообщению М.К. Каргера, плоскую крышку, является замечательным памятником погребальной культуры; он немного шире в головах, но в целом имеет прямоугольную форму, размеры 190 × 80 см. С торца, со стороны головы, есть два прямоугольных в сечении выступа по сторонам, плавно сходящие на нет; это, по всей видимости, воспроизведение выступов «сборного» саркофага в другом типе: с востока таких выступов нет, здесь углы плавно скруглены. Изучение этого саркофага даёт

[8] Каргер М.К. Раскопки и реставрационные работы в Георгиевском соборе Юрьева монастыря в Новгороде // СА. Вып. VIII. М.-Л., 1946. С. 204–206.

[9] Там же. С. 204–206, 216–218.

представление о замечательном и хорошо датированном памятнике 1244 г.; возможно, он связан не с новгородской традицией, а с культурой Северо-Восточной Руси.

Заметим, что погребения 3 (княжича Фёдора, 1233 г.) и 4 (княгини Феодосии, 1244 г.) расположены в западной части южного рукава пространственного креста собора, то есть в почётном и заметном месте. Место к западу было уже занято погребениями 1 и 2 (княжичи Изяслав и Ростислав), так что эти два княжеских погребения продлили начатый ранее, в 1198 г., ряд к востоку.

На участке XVII были вновь исследованы погребения 1 и 2, раскопанные М.К. Каргером[10], здесь открылся «сборный» саркофаг домонгольского времени, но не совсем обычной формы. Он представлял собой каменный ящик из известняковых плит с пазами, но существенно изменённый в результате каких-то событий.

Восточная стенка была перенесена к западу, а с востока саркофаг был удлинён – сначала новой плитой днища, положенной впритык к старому днищу, а затем двумя боковыми стенками, причём если новая северная стенка поставлена впритык к старой северной, то (новая) южная стенка была поставлена с наложением на старую южную стенку. Новая восточная стенка была устроена в пазах новых боковых стенок, а старая восточная стенка была помещена в новые, вытесанные в старых стенках пазы и встала примерно посередине саркофага, ставшего теперь двойным. Размеры саркофага: высота стенок 50–55 см, ширина стенок 7 см, длина старого саркофага 228 см, с востока он надставлен на 78 см. Длина внутри получившегося западного отсека 130 см, восточного – 140 см. Некоторые швы сохранили следы промазки известковым раствором, возможно – первоначальной.

М.К. Каргер предположил, что «парный саркофаг с двумя детскими погребениями и принадлежит ... сыновьям Ярослава Владимировича» [11].

Приведём запись из Первой Новгородской летописи о смерти княжичей: «Вълѣто 6706 [1198]. Тои же весне преставистася у Ярослава сына 2: Изяслав бяше посаженъ на Лукахъ княжити и от Литвы оплечье Новугороду, и тамо преставися; а Ростиславъ Новѣгородѣ; и оба положена у святого Георгия въ манастыри»[12]. Из этого сообщения следует вроде бы, что сначала умер старший брат Изяслав, а потом – младший, Ростислав.

Помимо этой надписи в недавнее время появилось еще одно свидетельство о смерти княжичей: в результате наших раскопок 2014 г. в Георгиевском соборе Юрьева монастыря была найдена надпись-граффито, прочтённая А.А. Гиппиусом. Она сообщает следующее (дана с конъектурами):

1 **(Мс#цлию)нлвъ к#прѣставислкнлзь (Р)[ос]тисл(авъсынъ)**

2 **(благо)чьстиваго (и) боголюбиго к(н)лзлѦро(слава)**

3 **(а сынъ) е[г]о Изласла(в)ъ прѣставислмс#цлию--**

4 **(въ - д)#ньвъкнл(ж)ени своем[ь] на Лука(хъ)**

5 **-----со--цинь-- привезоша и в[ъ]лож(иша -)**

6 **(въгробъоу с#)[т]аг[о] Ге(о)ргилвъе#ід#ньпр(и) архи(епи)**

7 **(скоупѣбл#го)[ц]ьс[т]ивѣ[м]ь Мартури а вы и[г]оуме[н](ьство)**

8 **(боголюбив)аг(о) Саватил а даиимаБ#ъоупо(коение)**

9 **(вѣчноесъ) с[#т]ми своими и мо[ли]таБ#га (за ны)**

[10] Каргер М.К. Раскопки и реставрационные работы в Георгиевском соборе Юрьева монастыря в Новгороде. С. 204–206, 200–206.

[11] Там же. С. 219–220.

[12] Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.-Л., 1950. С. 44.

В надписи сначала сообщается о том, что княжич Ростислав, младший брат, скончался 20 июня, а затем о смерти князя Изяслава, скончавшегося в своём «княжении» на Луках, привезённого в Новгород и положенного в гроб 15 числа неизвестного месяца (надо думать – июля). Эта последовательность более вероятна, хотя бы потому, что о ней сообщает «по свежим следам» надпись летописного свойства на стене того самого собора, где княжичи были погребены. Последовательность смертей в летописи была изменена позже: летописец сначала поставил известие о смерти старшего княжича, уже имевшего свой удел, а потом упомянул о смерти младшего [13].

В результате повторного изучения парного саркофага, в котором упокоились княжичи Изяслав и Ростислав в 1198 г., можно предположить, что первый («основной») каменный саркофаг сборного типа был приготовлен для кого-то другого. Это было место, предназначенное для какого-то важного лица: ведь саркофаг был расположен в южной части монастырского собора, построенного более чем полстолетия тому назад, в 1119–1130 гг., в его юго-западном углу (не считая нартекса). Возможно, новгородский князь Ярослав Владимирович приготовил этот саркофаг для своего собственного погребения.

Но в 1198 г. события приняли трагический оборот. По сообщению летописи, сначала умер княжич Изяслав, восьми лет отроду. Его тело привезли из Лук в Новгород и погребли в большом саркофаге, уже вытесанном, собранном и стоявшем вместе с крышкой, расположенной вровень с полом собора. Вскоре после этого в Новгороде умирает второй княжич, Ростислав, 5 лет от роду. Для его погребения саркофаг и стали переделывать: надставили дно, боковые стенки, устроили новую восточную стенку, а старую стенку перенесли так, что она встала примерно в середине получившейся небывалой для Новгорода конструкции.

Если следовать сообщению надписи-граффито, то сначала умер Ростислав, а затем в Луках умер Изяслав. Из сообщения М.К. Каргера мы знаем, что в западной части саркофага были найдены кости ребёнка 5 лет (Ростислава), а в восточной – кости ребёнка 8 лет (Изяслава). Можно предположить два объяснения такого расположения костяков: в случае, если верна последовательность, данная в надписи, всё ясно – младший брат умер раньше и был положен в большом каменном гробу, а для умершего несколько позднее старшего брата стали доделывать саркофаг к востоку. Если же верна последовательность, сообщенная летописью, то Изяслав был положен в большом каменном гробу, потом его тело переместили к востоку, на более почётное место, а в образовавшуюся ячейку саркофага поместили тело младшего княжича. Надо добавить, что перемещение тел было в любом случае. Если Изяслав умер раньше (по летописи), его тело перемещали дальше: из западной части – в восточную. В результате событий 1198 г. типичный для Новгорода саркофаг превратился в оригинальную конструкцию.

В центральной части участка XX исследовался саркофаг погребений 5 (северного) и 6 (южного), раскопанных М.К. Каргером в 1933 г.[14] По его предположению, погребения 5 и 6 заключали в себе останки новгородского посадника Мирошки Нездинича, постригшегося перед смертью в Юрьеве монастыре (1203 г.), и его сына, посадника Дмитрия Мирошкинича, умершего во Владимиро-Суздальской земле в 1209 г. и привезённого в Новгород, где его погребли в Юрьеве монастыре «подъле отча»[15].

---

[13] Гиппиус А. А., Седов Вл. В. Надпись-граффито 1198 года из Георгиевского собора Юрьева монастыря // Города и веси Средневековой Руси. Археология, история, культура. К 60-летию Н.А. Макарова. Москва – Вологда: Древности Севера, 2015. С. 478–490.

[14] Каргер М.К. Раскопки и реставрационные работы в Георгиевском соборе Юрьева монастыря в Новгороде. С. 206–207.

[15] Там же. С. 220–222.

Это единая гробница или, точнее сказать, парный саркофаг, сложенный из плинфы на известково-цемяночном растворе. Он относится к типу «подпольного плинфяного саркофага», пришедшего в Новгород из Южной Руси[16]. Внутренние размеры: ширина – 194 см, ширина разделяющей стенки – 25 см, размеры северного отсека (погребение 5) – 190 × 60 см, южного (погребение 6) – 190 × 70 см. Размер плинфы – 4,5–5,5 × 23–23,5 × 37–38. На боковых стенках сохранилось 11 рядов плинфы, на глубине 4–5 ряда наблюдаются уступы для установки верхних плит. На стенах сохранились части первоначальной обмазки розового цвета. Дно саркофагов составляет тот же известково-цемяночный раствор. Не только южная стенка была устроена с использованием валунного ленточного фундамента, как указывал М.К. Каргер, но и восточные торцовые стенки обоих отделений саркофага тоже. Глубина отделений — около 1 м.

Кроме саркофага в Георгиевском соборе, в Новгороде известен ещё только один парный плинфяной саркофаг. Он был обнаружен при раскопках в 2007 г. в северо-западном углу монастырской церкви Благовещения на Мячине 1179 г. Данный саркофаг, судя по формату плинфы, одновременен храму[17].

Парный саркофаг погребений 5 и 6 тоже можно датировать по формату плинфы (4,5–5,5 × 23–23,5 × 37–38 см), который не соответствует форматам плинфы начала XIII в., когда в соборе были погребены Мирошка Нездинич (1203 г.) и Дмитрий Мирошкинич (1206 г.)[18].

Плинфа саркофага погребений 5 и 6 вписывается в следующий ряд[19]:

Церковь Благовещения на Городище 1103 г.	4–5,5 × 20–23 × 35–38
Николо-Дворищенский собор 1113 г.	4,5–5 × 21–22 × 35–37
Георгиевский собор 1119 г.	4,5–5 × 21,5 × 35,5–38
Псков, собор Мирожского монастыря 1130–1140-е гг.	4,5–6,5 × 22,5–23 × 36–38
Псков, собор Ивановского монастыря 1130-е гг.	4,5–6 × 22–23 × 34,5–36,6 см

Это значит, что саркофаг погребений 5 и 6 в Георгиевском соборе Юрьева монастыря построен или в процессе строительства самого собора в 1119–1130 гг. или, что более вероятно, в 1130–1140-х гг., вскоре после возведения храма. Такая датировка отменяет атрибуцию погребений, предложенную М.К. Каргером, и заставляет предположить, что здесь были погребены какие-то духовные лица, возможно, игумены монастыря.

На участке XXI был вскрыт саркофаг погребения 7, исследованного М.К. Каргером, предположившим, что здесь был погребён боярин Семён Борисович, убитый на вече в конце 1230 г. и погребённый, как об этом сообщено в летописи, в Юрьеве монастыре[20].

Саркофаг сложен из плинфы размером 4,5–5 × 23–24 × 37–38 см, т.е. совершенно того же размера, что и плинфа парного саркофага погребений 5 и 6. Поверхности днища и бортов саркофага имеют растворную обмазку. В плане он представляет трапециевидную

[16] Седов Вл. В. Саркофаг из плинфы в соборе новгородского Пантелеймонова монастыря // РА. 2016. № 1. С. 51–59.

[17] Седов Вл. В., Вдовиченко М. В., Мерзлютина Н.А. Раскопки Благовещенского монастыря на Мячине и собора Пантелеймонова монастыря в 2007 г. // НиНЗ ИА. Вып. 22. Великий Новгород, 2008. С. 38–52.

[18] О формате плинфы в новгородской архитектуре начала XIII в. см.: Седов Вл. В. Саркофаг из плинфы в соборе новгородского Пантелеймонова монастыря // РА. 2016. № 1. С. 51–59.

[19] Размеры даны по работам: Раппопорт П.А. Археологические исследования памятников древнего новгородского зодчества // НИС. Вып 1 (11). Л., 1982. С. 198–199; Демичева Н.Н. Исследование памятников новгородского зодчества XII – начала XIII по данным об эволюции кирпича // СА. 1984. № 1. С. 221.

[20] Каргер М.К. Раскопки и реставрационные работы в Георгиевском соборе Юрьева монастыря в Новгороде. С. 222.

фигуру, плавно увеличивающуюся по ширине к западу, к изголовью. Внутренние размеры саркофага 200 × 75 см (посередине). По всему периметру саркофага читается уступ, на который была когда-то положена закрывавшая его плита, ширина уступа — от 10 до 15 см.

На восточной стене видно, что основой с этой стороны послужил ленточный валунный фундамент. Общая глубина саркофага — 110 см, верхняя часть (до уступа) имеет глубину 30 см. На южной стене саркофага видно, что и здесь саркофаг устроен с использованием ленточного валунного фундамента: мастера как будто экономили на кладке, используя участки фундаментов.

Связь этого погребения с посадником Семёном Борисовичем, убитым и погребённым в 1230 г., нужно отвергнуть: саркофаг погребения 7 сооружён, как и парный саркофаг погребения 5 и 6, в 1130-е или 1140-е гг., но не позже. Возможно, в этих саркофагах были погребены первые игумены Юрьева монастыря.

На западном фасаде лопатки в юго-западном углу собора обнаружен саркофаг послемонгольского времени. В левой части западной грани лопатки видна кладка XII в. Остальная часть этой грани отделена от плинфяной кладки вертикальной известняковой плитой, правее которой идёт кладка из кирпича начала XIX в. Сверху на вертикальную плиту опирается горизонтальная плита. Мы видим саркофаг как будто в разрезе. Длина верхней плиты — 80 см, высота боковой плиты — 50 см.

Этот саркофаг был сломан, по всей видимости, во время реконструкции собора при архимандрите Фотии в 1820-е гг. Он относится к типу сборных саркофагов, но стоит выше уровня пола XII в., тогда как домонгольские погребения устроены под полом. Этот саркофаг мог быть сооружён для очень знатного лица, ведь он продолжает ряд княжеских погребений в южном нефе собора.

Летописи сохранили сведения о двух погребениях в соборе Юрьева монастыря в XV в. Во-первых, это известие о погребении здесь великого князя Дмитрия Юрьевича Шемяки в 1453 г.: «Того же лѣта преставися князь великый Дмитрій Юрьевичь в Великомъ Новѣгородѣ, на Городѣщи, мѣсяца Июля въ 17 день, въ вторникъ; и положенъ бысть в манастырѣ святого Егоргія в церкви» [21]. Во-вторых, в феврале 1456 г. в Георгиевском соборе, в притворе, была погребена жена князя Александра Васильевича Чарторыйского Мария, дочь великого князя Дмитрия Шемяки: «Тогда же преставися княгиня Марья княжа Олександра Черторыского, а дчи князя Дмитрея Юрьевича, положена бысть в манастырѣ у святого Георгія, въ притвори въ Юрьевѣ манастырѣ, в пятокъ на Федоровѣ недѣли» [22]. Можно думать, что обнаруженный саркофаг содержал останки или Дмития Юрьевича Шемяки, или, что более вероятно, учитывая указание на «притвор», каковым иногда считали нартекс, здесь была погребена его дочь, княгиня Мария Чарторыйская.

Для представления о проделанной в 2015 г. работе, а также о том, как она вписывается в круг работ 2013–2014 гг. и работ М.К. Каргера 1931–1933 г., было составлено несколько обобщающих планов.

На плане открытых конструкций *(Рис. 2)* показаны в основном конструкции XII в.: все участки пола с плитами и участки с заливкой, престолы, синтрон; показаны также плиты погребений. При этом план собора показан с пристройками к столбам начала XIX в.

На плане погребений внутри собора *(Рис. 3)* показаны формы плана собора XII в., а также все известные погребения: 1 и 2 (княжичей Изяслава и Ростислава Ярославичей,

[21] ПСРЛ. Т. XVI. Летописный сборник, именуемый летописью Авраамки. М.: Языки русской культуры, 2000. Стлб. 193.

[22] ПСРЛ. Т. XVI. Стлб. 196.

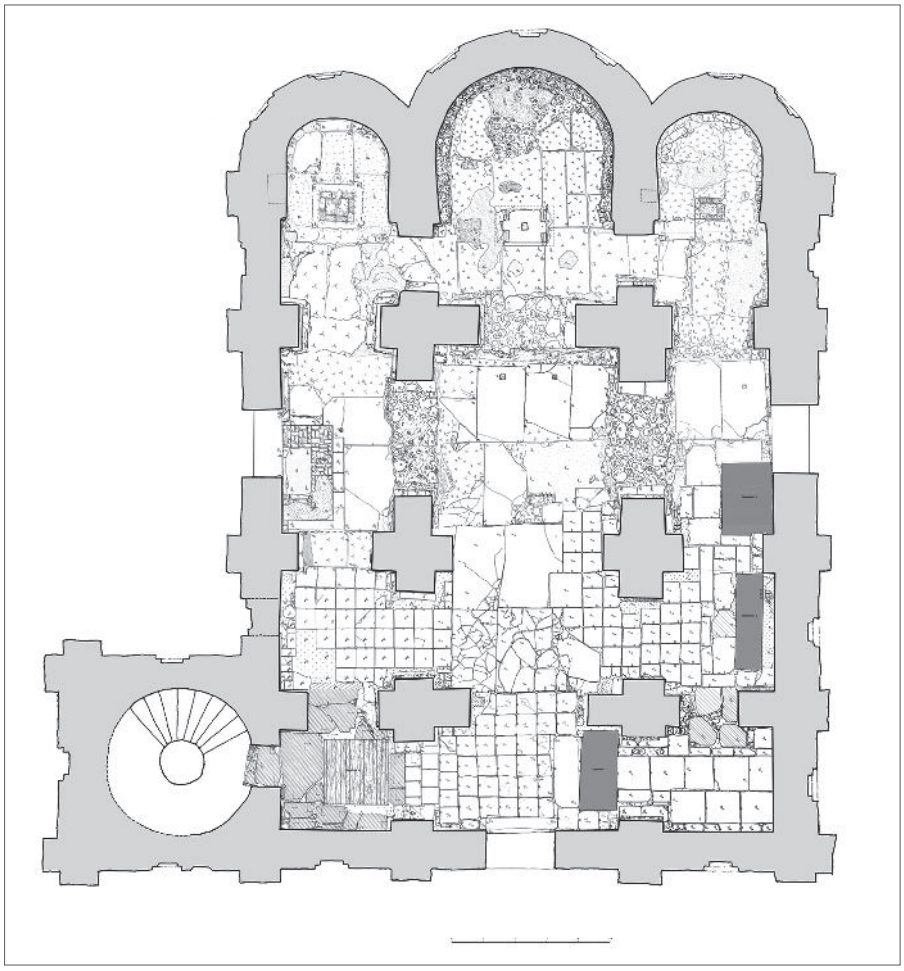

Рис 2. План раскрытых конструкций. Чертёж 2015 г. Ю.С. Фомичевой

1198 г. – в основной части, в западном отделении южного нефа), погребения 3 и 4 (княжича Фёдора Ярославича 1233 г. и его матери, княгини Феодосии, 1244 г. – в западной части южного рукава креста), погребения 5 и 6 (вторая четверть XII в., в парном саркофаге в северной части нартекса), погребение 7 (вторая четверть XII в., в плинфяном саркофаге в южной стороне средней части нартекса), погребения 8 и 9 (XIIв. (?), в колодах, в средней части нартекса), серия погребений в юго-западной ячейке основного девятидольного пространства, входящая в южное отделение алтаря (погребения 10, 11, 12 и 13 предположительно определяемые как погребения детей новгородских служилых князей, конец XIV– первая половина XVв.), погребение 14 (святитель Феоктист, 1786 г.), погребение 15 (середина XVI в.). На чертеже показана трасса алтарной преграды и подставки под её вертикальные стойки.

Отдельно дан план собора с теми частями пола и теми погребениями, которые мы датируем XII в. *(Рис. 4)*. Это реконструкция пола вместе с нанесением древних частей интерьера: алтарной преграды, престолов, синтрона и епископского места, а также ниши в стенах.

В заключение приводим план собора на XII в. с нанесением предположительных полос ленточных фундаментов между столбами и стенами (показаны серыми полосами с пунктиром по краям). Места, где были обнаружены ленточные фундаменты, выделены прямыми линиями (южное отделение алтаря, южная часть средней части нартекса, северная часть нартекса) *(Рис. 5)*.

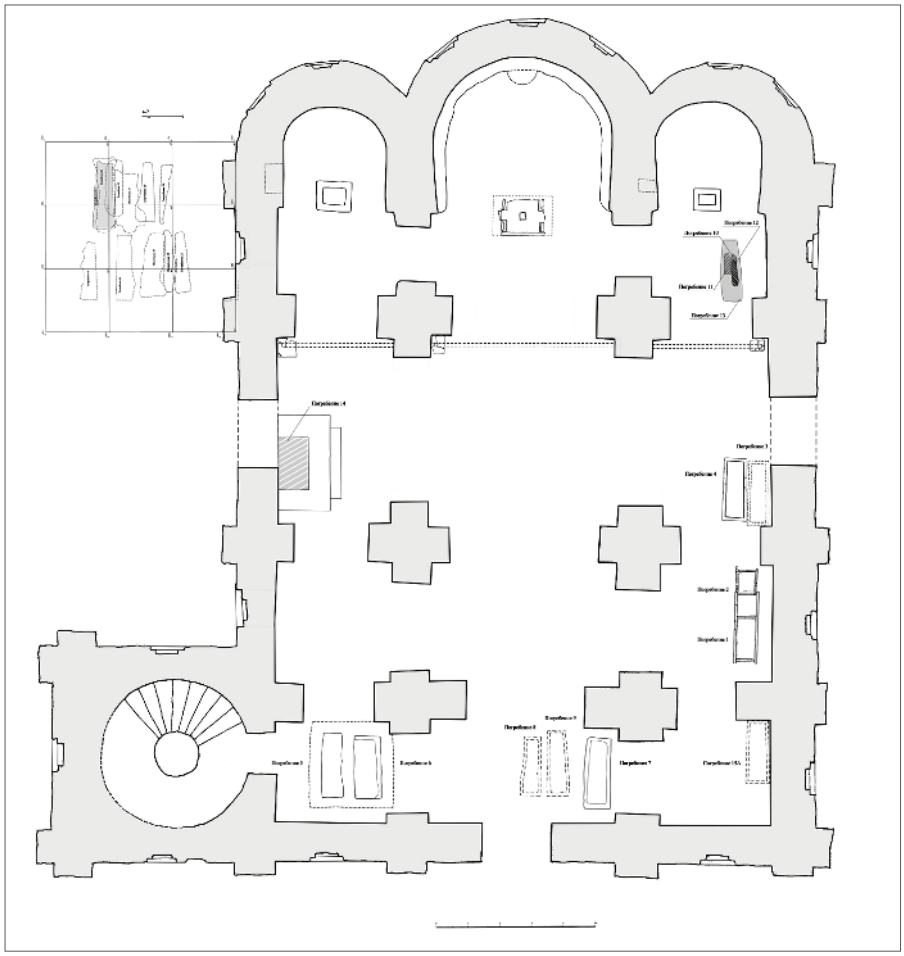

Рис. 3. План погребений. Чертёж 2015 г. Ю.С. Фомичевой

К северу от храма, у его северной стены, у крайнего восточного прясла северного фасада собора был разбит раскоп из 9 квадратов.

Здесь в верхних слоях обнаружена кирпичная вымостка на известковом растворе – пол придела Феоктиста 1820-х гг., а также обнаружена часть абсиды этого придела. В процессе раскопок было обнаружено множество фрагментов штукатурки с первоначальной фресковой живописью. Здесь же в углублении найденного камня алтаря был обнаружен серебряный мощевик – коробочка с частицами мощей, залитых воском. На его нижней поверхности стоит клеймо с датой «1826».

В средней части раскопа были расчищены полностью или частично сохранившиеся каменные плиты, покрывавшие большую часть свободного от поздних фундаментов площади. Под плитами открыты погребения, залегавшие в двух уровнях. Пять безынвентарных погребений относятся к верхнему уровню: 15, 16, 17, 20 и 22.

К нижнему уровню относятся погребения 18, 19, 20, 21, 21А, 23, 24 и 25. Из них погребения 18, 19, 20, 21, 21А располагались под каменными плитами. Погребения в основном безынвентарные, только в погребении 23 найдена бронзовая пуговица, которая приблизительно датирует погребение XIV–XV вв. Над погребением 23 найдена ещё одна бронзовая пуговица, относящаяся, по всей видимости, к тому же комплексу.

По окончании работ на всей площади раскопа, не занятой фундаментами и фундаментными рвами, был зачищен материк: светло-серый песок, иногда приобретающий красноватый оттенок.

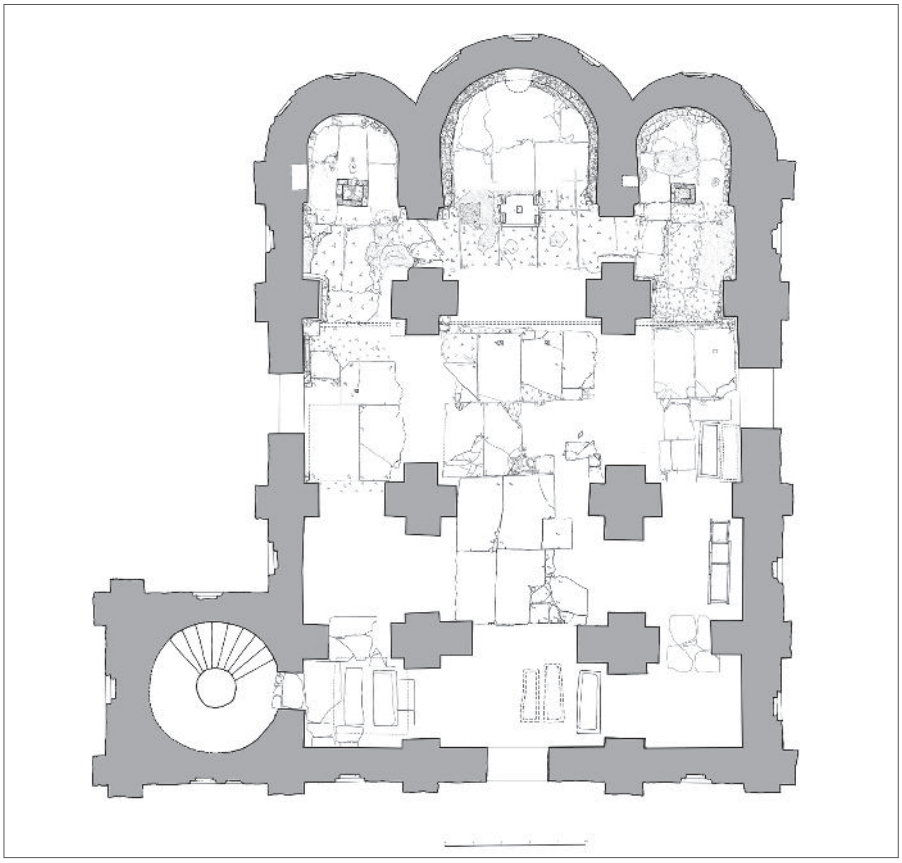

Рис. 4. План раскопанных частей на уровень XII века. Чертёж 2015 г. Ю.С. Фомичевой

В квадратах 2 и 3 обнажилась нижняя часть двууступчатой фасадной ниши *(Рис. 6)*, к прежней её высоте (160 см) добавилось еще 90 см, так что общая высота ниши до «дна» равняется 250 см. «Дно» ниши было образовано крупными известняковыми плитами. Следов живописи в нише нет. На основании этого зондажа мы решили, что засыпку раскопа нужно делать так, чтобы ниши обнажались полностью, то есть оставлять примерно 110 см в верхней части раскопа, тем самым обнажая нижние части собора.

После засыпки, связанной с некоторым понижением фундамента вдоль стены и засыпкой раскопа не полностью, а с учётом «дневной поверхности» XII в., определённой по нише, а также с учётом ската к северу, часть северного фасада приобрела первоначальный вид. В дальнейшем планируется раскопать весь периметр собора и обнажить закрытые землёй нижние части стен, лопаток и ниш.

Исследования в Пантелеймоновом монастыре

Исследования проводились отрядом на площадке бывшего Пантелеймонова монастыря, расположенной на территории Музея народного деревянного зодчества «Витославлицы». На вершине холма, в восточной части музея, где в 1978 г. П.А. Раппопорт уже осуществил раскопки примерно половины площади собора Пантелеймонова монастыря 1207 г.[23], ещё в 2007 г. нашим отрядом был заложен шурф 2 × 2 м, в котором вновь были найдены остатки стен храма Пантелеймонова 1207 г.

Остатки этого храма были почти полностью открыты раскопками, проводившимися с 2008 по 2013 г. Только юго-восточный подкупольный столб оказался не до конца иссле-

[23] Раппопорт П.А. Церковь Пантелеймона в Новгороде // КСИА. Вып. 172. М., 1980. С. 79–82.

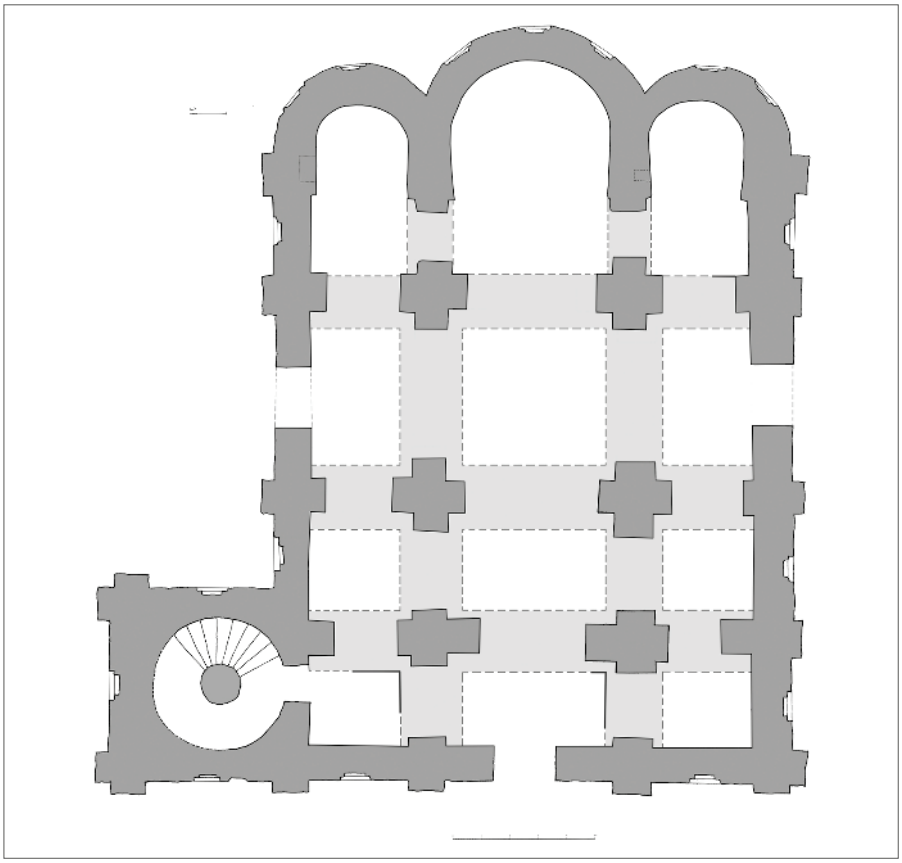

Рис. 5. План реконструкции ленточных фундаментов. Чертеж 2015 г. Ю.С. Фомичевой

дованным: первоначальные очертания были закрыты обкладкой из валунов, сделанной, вероятно, при реконструкции собора в 1372 г., отмеченной Пятой новгородской летописью[24].

Небольшой раскоп 2015 г. был разбит с ориентацией на стороны света (3 × 3 м, с добавлением к востоку прямоугольника 2 × 1 м). После снятия засыпок раскопов недавнего времени открылся юго-восточный столб 1372 г., представляющий собой прямоугольник валунной кладки, залитой известковым раствором белого цвета, шапка раствора прикрывала и среднюю часть столба. Размеры столба в обкладке 170 × 190 см.

Валуны и раствор сверху столба были убраны, после чего открылся столб 1207 г., сложенный из плинф и плит красного ракушечника на известково-цемяночном растворе. Северо-западный и юго-восточный углы столба были сломаны во время обкладки валунами, но два других угла и все грани сохранились, что позволяет реконструировать полную форму столба: это была прямоугольная (80 × 110 см) опора, вытянутая с запада на восток. По результатам работ 2015 г. был составлен план кладок собора Пантелеймонова монастыря, в который был включён и план освобождённого от верхних валунов столба, и окружающие столб участки заливки пола. Кроме того, был составлен план-реконструкция на начало XIII в. (1207 г.), куда включён и исследованный в этот сезон юго-восточный подкупольный столб монастырского собора.

[24] Шахматов А.А. Обозрение русских летописных сводов XIV–XVI вв. М.-Л., 1938. С. 204—205: ... того же лета поновиша церковь камену святаго Пантелеймона, бебопалася».

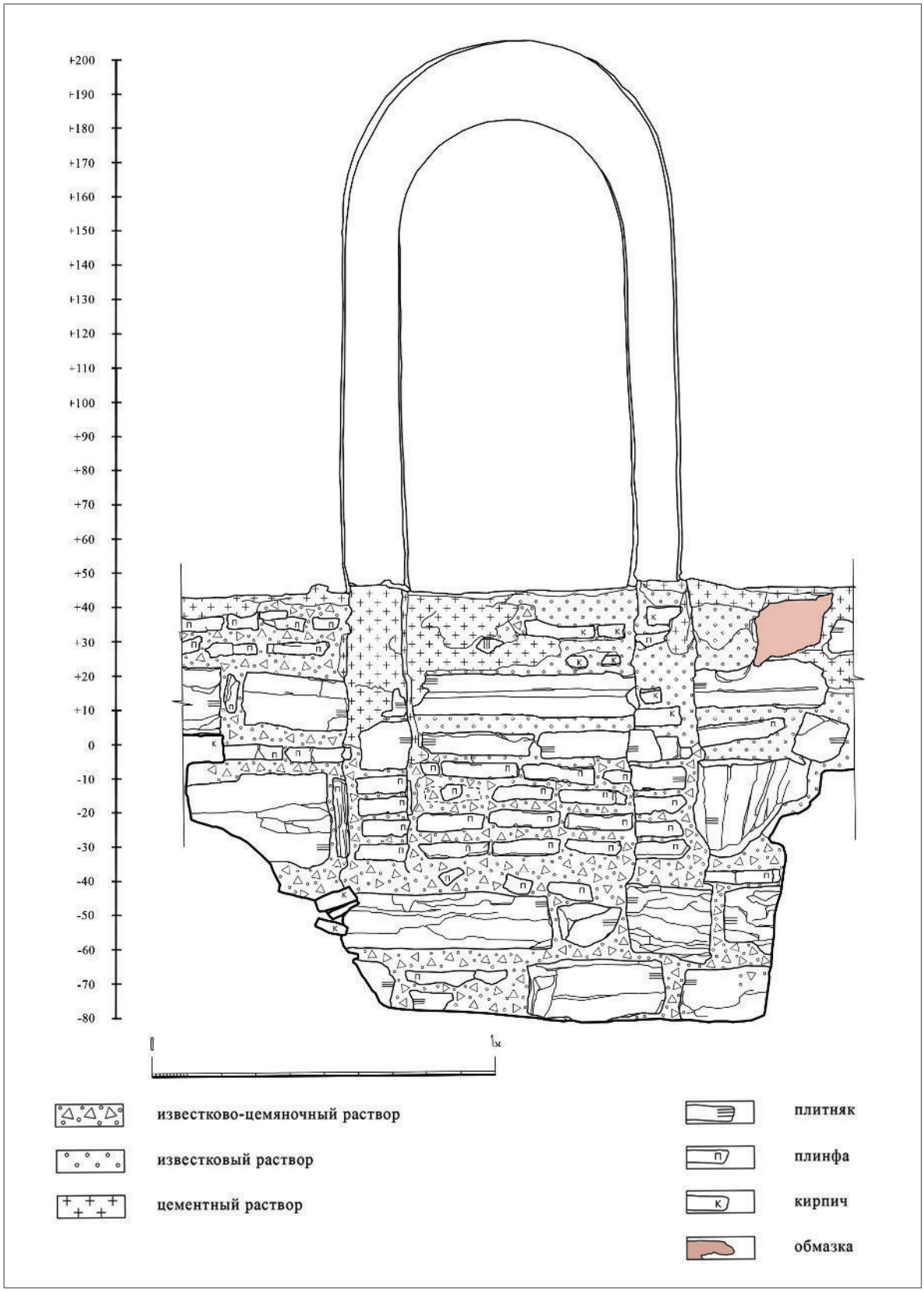

Рис. 6. Фасадная ниша. Чертёж 2015 г. Ю.С. Фомичевой

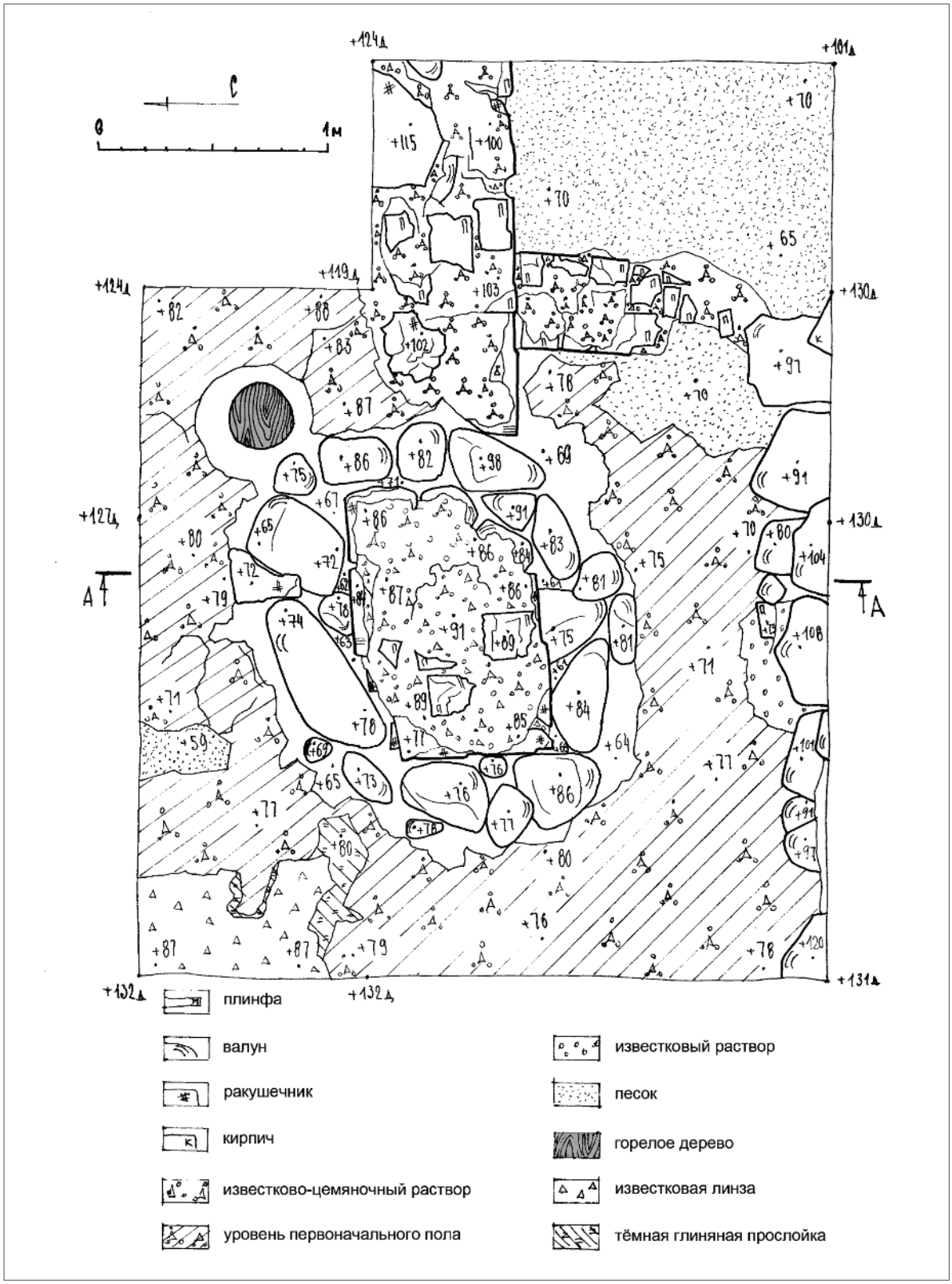

Рис. 7. Пантелеймонов монастырь. Собор. Расчистка юго-восточного столба. План на уровень XIII в. Чертёж 2015 г. Е.Н. Пророковой